

БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»

Софья Лойтер

ЧАСТИЧКИ БЫТИЯ

ПЕТРОЗАВОДСК 2014

УДК 398
ББК 82.3 (2=411.2)6

Л 72

Издание осуществлено при поддержке
Федеральной еврейской
национально-культурной автономии

Редактор Дмитрий Цвибель

Лойтер, Софья

Л 72 Частички бытия /Софья Лойтер; [Еврейская религиозная община] – Петрозаводск: Принт, 2014, - 56 с. : ил. - (Библиотечка газеты «Общинный вестник»; вып.17)

ISBN

УДК 398
ББК 82.3 (2=411.2)6

© Софья Лойтер

ДОРОГИЕ МОИ, НЕЗАБВЕННЫЕ...

Из многочисленных писем, писанных моими родителями с 1953 года сначала мне, позже моей семье, сохранилось 28 маминых и 7 папиных. Перечитываю их и оказываюсь в атмосфере необычайного тепла, любви, нежности, заботы, чистоты, и не побоюсь этого слова, святости. И вижу небольшой одноэтажный дом в Житомире на углу улицы Хлебной 78 и Старогончарного переулка, где я родилась, и прошло мое довоенное детство, откуда уехала в эвакуацию в узбекский городок Мирзачуль и куда вернулась после окончания Великой Отечественной войны. Наш дом был куплен в начале 1920-х годов дедом Иосифом и бабушкой Куней Гальпериными, уроженцами местечка Левков, которое находилось в двенадцати километрах от Житомира. Дедушка там служил помощником лесника.

Бабушка и дедушка дома говорили между собой и с моими родителями на идиш, были очень религиозными людьми, неукоснительно соблюдавшими заповеди и предписания Книги книг. В любую погоду утром и вечером дед шел в синагогу, где был «шамесом», помогая во всем, совершенно бескорыстно ребенку. Запомнила его часто молящимся, облаченным в талес и с наложенными на лоб и руки тфилин. Дедушка был очень уважаемым человеком. Бесхитростный и бескорыстный, он начисто был лишен коммерческой жилки, никогда не лгал и не делал ничего предосудительного. В семидесятилетнем возрасте в эвакуации он пошел работать на танковый завод кладовщиком инструментального цеха. Он удостоен медали «За доблестный труд в войне 1941-1945 годов».

Бабушку и дедушку со стороны отца никогда не видела, я появилась, когда их уже не было. И они уроженцы того же местечка Левков. Я много слышала о своем деде Берко от папы.

Дед был главным мебельщиком в имении графа Броницкого, петербургского вельможи, у которого в селе Левков был большой замок. К столярному делу дед приобщил троих своих сыновей. Все они стали высокопрофессиональными столярами-краснодеревщиками. И до войны, и после нее мой отец Михель Беркович Лойтер работал на мебельной фабрике, которая была одним из крупнейших мебельных предприятий Украины. Об уровне квалификации свидетельствуют такие факты: когда после войны в Москве строился ГУМ, а в Киеве главные правительственные здания, папа в числе лучших краснодеревщиков страны был командирован на эти стройки. Среди сохранившихся у меня документов – удостоверение и значок «Стахановец» и «Мастер, золотые руки».

С детства в меня вошел полюбившийся запах стружек, которым я дышала постоянно, и когда девочкой бегала к папе на фабрику, чтобы отнести ему обед, и дома, где в сарае у папы был оборудован большой верстак, и он постоянно строгал и что-то мастерил. Он очень многое умел и все в доме делал сам. Не окончив ни одного класса школы, он самоучкой постиг грамоту, постоянно читал газеты, а изредка и полюбившиеся ему даже книги. Мой двоюродный брат Вилен Киль в 2004 году в краеведческом издательстве «Волынь» выпустил книгу «Кусочек планеты по имени Житомир», где очень тепло вспоминает моего отца: «С Михелем, остроумным и язвительным, я часто спорил на «идейные» темы. <...> Искусный краснодеревщик он работал на Мебельной фабрике на Киевской улице и получал там копейки. Какой это был мастер! Он сделал дома овальный шкаф и комод – это был высший класс! Когда он вышел на пенсию, она оказалась мизерной.

Памяти М.Б. Лойтера

Мой старый тихий дядя Михель
Любил опасной бритвой бриться,
Он как-то утром очень тихо
Сказал, что Сталин – кровопийца.
Такое вынести не в силах
Я, пионер с гадючьей жилкой,
Как будто муха укусила –
Не медля сдать его божился.

Вождю был тезкой дед Иосиф.
Он, вроде не вникая в споры,
Прервав молитву, дяде бросил:
«Язык – твой враг, накличешь горе.
До большевистской колотнечи
Ты не был столь болтливым, право,
Скажи спасибо – хлеб и свечи
Еще достать мы можем в лавке».

Но гнул свое с подначкой Михель,
Фуганком высекая стружки:
«Развалится твоя мелиха –
Недолговечная избушка»...

В цеху стахановец советский –
В холодный день, бредя с работы,
Пер на горбу щепу, обрезки,
Из грязи выдирая боты.

Любил есть курочку с фасолью,
Из тканей признавал лишь ситец.
Как поздно с горечью и болью
Я понял: Михель был провидец».

(Филадельфия, 1992)

Папа писал редко: «мне легче держать в руках рубанок, чем перо». Но как он, человек без образования, уважительно относился ко всякому знанию, учению, книге. Как глубоко понимал всю сложность моей преподавательской работы в вузе. До сих пор не могу без слез читать его слова угрызения в одном из писем «Мы тебе очень сочувствуем, но, как всегда, помочь тебе духовно не можем». Зато как он духовно помогал своему внуку, моему сыну Яше, когда тот в первые школьные годы оказывался на каникулах в Житомире. Дедушка записал его в детскую библиотеку, каждый раз сопровождал его и терпеливо ожидал в читальном зале, пока Яша прочитывал очередную книгу. «Меня радуют Ленины успехи в учебе» (это о внучке Лене студентке пединститута, теперь Елене Авишевой). Папа не терпел праздности, безделья, до последних дней находил себе занятия и сохранил чувство юмора. «Я работаю в одной школе интернат для инвалидов – (сохраняю его орфографию и пунктуацию – С.Л.) она находится близко возле дома это для меня самое главное работаю по моим силам я делаю мелкие ремонты что поломали я то исправляю окна, двери, мебель, а если работа тяжелая то мне дают учащихся на помощь <...> Какая работа, такая оплата – 60 рублей. Все-таки я доволен, потому что кроме материальной стороны, я имею занятие и не нервничаю, и мама тоже я меньше соваю свой нос в бабские дела и перестали сориться. ...Недавно мама купила себе сапоги элегантные с замочком за 14 руб.»

56 отнюдь не идиллических лет мои родители прожили вместе, поражая трогательной заботой друг о друге. Этим чувством, как и заботой и любовью к нам, детям и внукам, дышат все мамины письма. Она настоящая идише мамэ. Мамины письма о самом повседневном, о том, кто их посетил, какие продукты удалось достать, что заготовили на зиму, как ей удастся разнообразить и соблюдать диетический режим для папы с его больным желудком и печенью и т.д. и т.д. «Сегодня получили и Ленино и Яшино поздравления (по случаю дня рождения – С.Л.),

так что дед имеет что читать. Он берет все ваши фото и целует, и говорит: вот мое счастье». Мама – удивительный повествователь и даже философ, а предметы и факты не самого высокого порядка в ее изложении обретают поистине эпический характер.

В Житомире, теперь другой стране, покоятся дорогие мои и незабвенные: бабушка и дедушка, умершие в 1953 и 1957 годах, на старом еврейском кладбище, папа и мама, почившие в 1980 и 1983 годах, на общем кладбище. Моя постоянная боль – невозможность посетить их могилы. Раз в году я адресую каждому из них вот эту поминальную молитву: «Да помянет Б-г душу отца моего, матери моей, бабушки, дедушки, отошедших в вечность. Поелику я даю за них обет благостыни, то в воздание за сие да будет завязана их душа в узле жизни вместе с душами Авраама, Исаака, Иакова, Сарры, Ревекки и Лии и других праведников и праведниц, пребывающих в саду Эдема. И возглашаю: амен!»

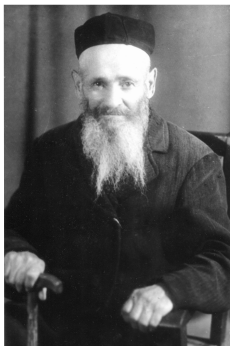
*Могилы дедушки и бабушки
на Житомирском еврейском кладбище*

Мама Рухля-Лея Лойтер

Папа Михаль Беркович Лойтер

Дедушка Иосиф Гальперин, 1956 г.

МОЙ КАССИЛЬ.

10 июля 2006 года Льву Абрамовичу Кассилю исполнился бы 101 год. Прошедшее в прошлом году 100-летие писателя прошло почти незаметно. Ни одной достойной публикации в центральной печати, ни передач на радио и телевидении, как, впрочем, и о других детских писателях. «А ведь писатель он был хороший и человек чудесный. Очень я его уважала и любила», – написала мне в письме одна из замечательных современных детских поэтов старшего поколения Ирина Токмакова.

Меня очень огорчило забвение писателя, который столько сделал для нашей детской литературы. В октябре 2005 года доцент Лариса Николаевна Колесова, сотрудник научной библиотеки Ольга Романовна Левина и автор этих строк организовали для студентов университета литературный вечер памяти Льва Кассиля, и тем воздали дань писателю, которого в Петрозаводске изучают, помнят, исследуют, чтят.

Для меня Лев Кассиль – часть жизни, работы, занятий. Вот уже много лет я обращаюсь к нему, его творчеству то непосредственно, то опосредованно – в связи со студиями по детскому фольклору. А «пришел» он ко мне в студенческие годы, когда под руководством И.П. Лупановой, известного ученого-фольклориста и литературоведа, создателя школы исследователей детской литературы в Петрозаводске, выполняла свою первую курсовую работу по только что вышедшей повести «Ранний восход» (1953) и решала проблему биографизма, соотношения факта и вымысла в ней. С этой необычной для детей книги, героем которой был реальный мальчик-художник Коля Дмитриев, и нетрадиционной для детской литературы темы – «искусства как поведения», рождения художника, художнического видения и восприятия начался для меня Кассиль. Потом были многочисленные статьи, печатавшиеся в Петрозаводске, Москве, Ленинграде,

книга «Там, за горизонтом: Проблемы романтического в творчестве Л.А. Кассиля» (М., 1973), участие в коллективном сборнике «Жизнь и творчество Льва Кассиля», составителем которого был Л.Э. Разгон (М., 1979), полная персональная библиография, включающая как все издания писателя на родине и за рубежом, так и все, что написано о нем и его творчестве. Были прижизненные встречи и переписка.

В январе 1965 года Ленинградский дом детской книги при Союзе писателей свои очередные научные чтения посвятил предстоящему 60-летию Л.Кассиля. Он был приглашен на них, а мне доверено было сделать доклад. Он назывался «Открытие неведомых стран в творчестве Льва Кассиля». И хотя доклад был приурочен к юбилею, не был только комплиментарным. Сам же Кассиль говорил совершенно блестяще. Он вообще был превосходным рассказчиком. Он говорил о своих учителях, критиках, «отцах и детях», с присущим ему чувством юмора отвечал на многочисленные вопросы. Тогда он и подарил мне новое издание книги «Маяковский – сам» с теплым и дорогим автографом: «Софье Михайловне Лойтер – с благодарностью за все то доброе и серьезное, что она сказала и написала об авторе этой книги, скромном ученике великого поэта. Лев Кассиль. 22.01.1965. Ленинград».

Последний раз я видела Кассиля в январе 1969 года. Несмотря на то, что в их доме поселилась беда (умирала мать жены), Лев Абрамович не сказал мне об этом и на мой звонок велел непременно зайти. Он знал, что у меня неприятности, и не мог упустить возможности поддержать. И поддержал. А когда я приехала из Москвы домой, то вскоре получила от него открытку с сообщением о печальных событиях в их семье. Из многих писем и корреспонденций Льва Абрамовича, которые я храню, приведу одну, очень характерную для его мироощущения и вызывающее в памяти эти строки: «Он награжден каким-то вечным детством». Это телеграмма, полученная мною после защиты кандидатской диссертации в декабре 1967 года: «Приказываю поднять флаги и произвести салют всех кораблей Швамбрании, Синегории и Джунгахоры в честь вашей справедливой победы. Бывший швамбранский адмирал Кейс, ныне живущий под именем Льва Кассиля».

22 июня 1970 года Лев Абрамович скоропостижно скончался. Услышав в утреннем сообщении центрального радио о его смерти, я в тот же день выехала в Москву. 23-го прямо с вокзала отправилась в проезд МХАТа и успела проститься с покойным в его доме, когда у гроба еще никого не было. Смотрела на Льва Абрамовича и думала о том, как безоглядно и безотказно он растрчивал себя, как рано ушел из жизни. В ЦДЛ, где на сцене был установлен гроб, и проходило прощание, было множество народу и масса знаменитостей. Я не подходила к гробу. Не слышала всех слов, сказанных на гражданской панихиде. Из крематория уехала прямо на вокзал.

Летом 1971 и 1972 года я получила счастливую возможность работать в кабинете Льва Абрамовича и пользоваться радушным гостеприимством Светланы Леонидовны Собиновой, вдовы писателя. Я работала тогда над книгой, и Светлана Леонидовна предоставила мне все материалы до того, как они будут сданы в Центральный государственный архив литературы и искусства: все уже было разложено по папкам и ящикам. Я читала рабочие варианты книг, сотни статей, писем, записных тетрадей и книжек, разного рода заметки. И снова узнавала Кассиля – человека доброго, невероятно отзывчивого. Папки, в которых сотни приглашений приехать к детям в школу, библиотеку, детскую больницу, детский туберкулезный санаторий. И он ездил, выступал, радовал, врачевал. А сколько бумаг-ходатайств за кого-то заступиться, выхлопотать квартиру, устроить в интернат, помочь одинокой женщине, которую терроризируют соседи по коммуналке. О доброте и великодушии Льва Абрамовича мне много рассказывала Елена Константиновна Ефстафьева, очень старенькая и необыкновенно интеллигентная женщина, в прошлом секретарь Собинова, которая так и осталась жить в их семье. Мы были с ней в квартире одни целыми днями, и ее рассказы помогали мне ощутить человеческий талант Кассиля.

Полагаю, у меня есть право непредвзято утверждать: Кассиль – несомненно, выдающаяся личность в культуре детства и незаурядный детский писатель. Придя в детскую литературу в 1920-е годы и оставаясь в ней до конца своих дней,

он был одним из ее создателей, разумеется, советской детской литературы. А как могло быть иначе, если он жил в советские годы в стране с однопартийной системой? Хотел работать, печататься, выходить к детям своими книгами. И работал, писал, печатался. На лучших (все его произведения составляют пять томов собрания сочинений) произведениях – «Великое противостояние», «Дорогие мои мальчишки», «Вратарь республики» и особенно «Конduit и Швамбрания» – выросло не одно поколение детей.

Я говорю об этом потому, что бытует мнение: дескать, Кассиль – типичный писатель соцреализма, пользовавшийся официальным признанием, обласканный властями, благополучный и успешный. Вероятно, это объясняется тем, что Кассиль всегда был очень общественным человеком, слишком на виду в силу своей личной активности. Однако всегда почитаемым и благополучным он не был. Мне хорошо знакома «кривая» отношений к нему. Первые восторженные рецензии 1930-х годов сразу же сменились огульными обвинениями в беспочвенной мечтательности и проявлении мелкобуржуазного прекраснотушия. За Кассилем утвердился ярлык «ложного романтика». Придумывание стран детской мечты расценивалось как неприятие реальной живой действительности и желание создать параллельный, более совершенный мир. Писателю вменяли в вину формализм и псевдоромантизм. В 1949-1950 гг., в период космополитической компании, критика стала еще более изощренной. И только последнее десятилетие жизни он был, действительно, почитаем.

А «начался» Кассиль с «Кондуита и Швамбрании» (1927, 1930, 1955) – книге о детстве, семье, гимназии, родной провинциальной слободе Покровской (теперь город Энгельс под Саратовом). Именно в этой книге художественно воплотилось то, что стало одной из главных романтических доминант в творчестве Кассиля,

– воссоздание страны детского воображения. После Швамбрании появилась Синегория («Дорогие мои мальчишки»), Джунгахора («Будьте готовы, Ваше Высочество!») – своеобразный триптих, отразивший главные творческие искания автора. Но уникальна именно Швамбрания. Швамбрания стала поэтическим символом, именем нарицательным. Феномен Швамбрании сделал книгу настоящей детской классикой, как для отечественного, так и для зарубежного читателя.

Однако не только искрометной вымышленной страной исчерпываются достоинства этой повести о детстве. Не менее замечательны ее детские характеры и прежде всего Лельки, главного автобиографического героя, и его брата, «великого путаника, подражателя и фантазера» Оськи. Это он, услышав от старшего брата рассказы о погромах, спрашивает: «А что такое еврей?». А потом допытывается: «А наша кошка тоже еврей?» Вопрос об этнической идентификации, принадлежности к еврейству всякий раз связан с появлением в повести именно Оськи – то в гениальной главе «Бог и Оська», то в другой, прекрасной по своему юмору главе «Директор и Оська», где речь идет о том, что в ответ на поданное отцом «прошение на свободную вакансию гимназического врача», директор написал: «Желателен врач не иудейского вероисповедания». Кстати, после «Кондуита и Швамбрании» слово «еврей» напрочь исчезло со страниц кассилевских книг, его нет ни в одном из последующих его произведений. И это вполне объяснимо.

Страшная судьба была уготована в реальной жизни тому, кто послужил прототипом Оськи, брату писателя Иосифу Абрамовичу Кассилю. Тридцатилетний литератор и ученый, доцент вуза он в январе 1938 года был объявлен «врагом народа», троцкистом, «участником антисоветской террористической диверсионно-вредительской организации», сослан, а затем расстрелян. В ссылке от «звонка до звонка» отбыла свой срок и его жена Зинаида Петровна, отказавшаяся отречься от мужа – «предателя народа и шпиона». Лев Кассиль пытался хлопотать за брата, ведь родственникам не сказали о его расстреле, а объявили об осуждении на десять лет без права переписки.

Добился встречи с А.Я. Вышинским. Ничто не помогло. Кассиль сам стал ждать ареста. Но все обошлось, он остался на свободе и даже не был исключен из Союза писателей, распростившись лишь с должностью редактора журнала «Мурзилка». Это уже испытанная иезуитская игра палачей. Братья Вавиловы – знаменитые ученые. Одного – Николая Ивановича – репрессировали как врага народа, другой – Сергей Иванович стал президентом Академии Наук СССР. Братья Фридлянды: один – знаменитый публицист Михаил (псевдоним «Кольцов») – «враг народа», другой Борис (псевдоним «Ефимов») – художник, жив и работает по сей день.

Разумеется, потрясение и страх не прошли бесследно для Кассиля-писателя. Как это ни досадно, первая большая книга (до «Кондуита и Швамбрании» было несколько маленьких) оказалась самой лучшей его книгой, самой честной, самой свободной, наименее цензурируемой собственным сознанием, самой совершенной в художественном отношении, самой озорной и веселой.

Одно из несомненных ее достоинств – яркие образы еврейской провинциальной интеллигенции. И, прежде всего образ отца, одного из самых прекрасных «взрослых» в повести. Художественный образ и его реальный прототип не всегда одно и то же. Зато одно и то же главные обстоятельства жизни. Одно и то же то, что молодым врачом Абрам Григорьевич Кассиль приехал в слободу Покровскую, мало чем отличавшуюся своим укладом жизни и обычаями от большой деревни, и, как человек долга, проработал в ней всю свою жизнь, оставив о себе благодарную память. Одно и то же, что мать Кассиля, пианистка, учительница музыки, из состоятельной семьи, выйдя замуж, «храбро покинула большой город», «уехала с супругом в земство», безропотно разделяя тяготы жизни (ее имя Анна Исааковна Кассиль, оно не названо в книге).

Сочно, в точно наблюденных деталях и характеристиках нарисован социально-исторический «портрет» самой Покровской слободы. Превосходно передает Кассиль разноязычную (украинскую, немецкую) речь покровских обывателей. В этом хоре прекрасно воспроизведен еврейский (одесский) колорит и интонации коммивояжера Иосифа Пукиса, пришедшего к директору гимназии выручать набедокуривших ее воспитанников: «Господин высший директор, я старый блуждающий еврей, и я вижу на вашем лице семейное счастье. Бьюсь об закладку, ваши дети не будут ходить босы и наглы. ... Одно маленькое мгновение, господин директор. Вы сегодня исключили восемь ребят. За что вы их исключили, я вас спрашиваю? Нет! И еще двадцать раз нет. Но у меня мягкое сердце. А когда мягкое сердце, так нельзя молчать. Мне очень жалко за мальчиков. А еще больше мне жалко за родителей, которые нянкали и росли этих мальчиков...».

Сбылось достаточно жесткое предупреждение Ильи Эренбурга, сказавшего Кассилю, что все написанное после «Швамбрании» будет приниматься с оговоркой: «А «Швамбрания» лучше». Добавлю: если бы Кассиль написал только одну эту книгу, он все равно вошел бы в историю литературы навсегда. Одна из замечательных книг в мировой литературе о детстве поколения начала XX века, она вышла из самого детства, детства двух реальных мальчиков и их реальной игры. Сохранившиеся ее атрибуты (карта Швамбрании, ее герб, флаг, «тайные документы») мне довелось видеть в кабинете писателя. «Страну незабываемого счастья, куда мы в детстве бежим» (Пришвин), страну-утопию открывали многие писатели. Но никому, как Кассилю, не удалось так художнически полнокровно описать это явление детского мифотворчества.

Я благодарна Кассилю навсегда. Благодарна за рыцарское служение детской литературе. Благодарна за то, что он не пренебрег начинающей исследовательницей из провинции. Благодарна за интерес к Карелии: он хорошо знал «Калевалу» и с пониманием писал о ней. Я благодарна ему за то, что он своей «Швамбранией» привел меня к детскому фольклору.

ВСТРЕЧИ И ПИСЬМА

К счастью, последнее десятилетие произведения Кассиля и особенно повесть «Кондуит и Швамбрания», много раз переиздавались. А в 2009 году вышло новое собрание сочинений в пяти томах, составленное сыном писателя Владимиром Львовичем Кассилем и дочерью Ириной Львовной Кассиль-Собиновой.

Уже более пяти десятилетий обращаюсь к его творчеству, то непосредственно – к его книгам, то опосредованно – в связи со студиями по детскому фольклору. Именно кассилевская Швамбрания, самая яркая из воплощенных вымышленных стран детского воображения, стала сквозной темой и импульсом моих многолетних разысканий детских игровых утопий, которые уже вошли в науку как явления детского фольклора.

Первая работа о Кассиле (по повести «Ранний восход») была выполнена еще в студенческие годы и опубликована в 1957 году. Последняя – по проблеме текстологии и истории изданий «Кондуита и Швамбрании», – в 12-м выпуске сборника «Проблемы детской литературы и фольклор» (Петрозаводск, 2009). Много из написанного печаталось при жизни писателя. Поэтому контакты, переписка, встречи естественны и не являются чем-то исключительным. Для меня они бесценны и бесконечно дороги и по-разному отражены в моих работах. Ноне менее важным видится мне все то, что и как делали близкие Кассилю люди, его друзья, с которыми судьба меня свела после его смерти (1970). Это Евгения Александровна Таратута – на протяжении многих лет жизни исследователь и ревностный пропагандист творчества Кассиля, автор статей, воспоминаний о нем, составитель и комментатор двух собраний его сочинений, устроитель вечеров его памяти, преданный и верный друг (Таратута – 1912-2005; литературовед, кандидат филологических наук.

С 1937 по 1954 год с перерывами отбывала в лагерях и ссылке. С середины 1950-х гг. – исследователь творчеств Э. Войнич, публикатор ее собрания сочинений на русском языке: автор книг: По следам «Овода» «Этель Лилиан Войнич: судьба писателя и судьба книги», воспоминаний о К. Чуковском, А. Фадееве, В. Гроссмане и многих других.). Мое знакомство с Е.А. состоялось, когда издательство «Детская литература» определило ее рецензентом моей книги «Там, за горизонтом». Вот тогда я побывала у нее дома на проспекте Вернадского и единственный раз видела эту по-своему легендарную женщину, ее уникальную библиотеку, частично запечатленную в ее книге «Драгоценные автографы». Тогда я и услышала, и прочитала заинтересованный, тонкий и взыскательный «разбор» рукописи, который был для меня чрезвычайно полезен и, разумеется, учтен. А потом последовала многолетняя переписка (1971-1991 гг.), в которой Е.А. неизменно сообщала мне обо всем, что связано с Кассилем.

Другой уникальный человек, с которым мне посчастливилось не однажды встречаться, получать письма (1971-1979), книги с автографами и просто слушать, – Лев Эммануилович Разгон. (1908-1999; узник сталинских лагерей, проведенный в них 17 лет. После освобождения работал редактором, потом занялся писательским трудом, написал несколько книг об ученых и путешественниках для детей: «Живой голос науки», «Один год и вся жизнь», «Шестая станция» и др.; как литературный критик известен книгами: «Мир, в котором дети – не гости: очерк творчества Николая Дубова», «Ян: Критико-биографический очерк», «Юрий Коринец: очерк творчества». Всемирную славу принесла ему книга «Непридуманное» (1989). Последнее десятилетия жизни был правозащитником, одним из основателей Общества «Мемориал». О нем книга Рады Полищук «С Разгоном о Разгоне»). Став составителем сборника «Жизнь и творчество Льва Кассиля», он предложил мне участвовать в нем.

И когда в скромной квартире на Малой Грузинской мы говорили о будущем сборника, я и не предполагала, какой биографии и какого масштаба этот человек.

И совершенно особая фигура в подвижническом служении делу Кассиля его жена Светлана Леонидовна Собинова (1920-2002). Слишком много значила ss (этим условным знаком – двумя зашифрованными «с» – обозначал он ее имя в письмах, дневнике) в его жизни. Однако С.Л. и сама по себе человек незаурядный, заслуживающий отдельного разговора. Дочь великого певца, объездившая с ним весь мир, выпускница студии им. Станиславского, актриса театра им. Станиславского, участница фронтовых артистических бригад периода Великой Отечественной войны, затем в течение 30 лет преподаватель актерского мастерства, доцент ГИТИСа, создатель музея отца в Москве и Ярославле, одна из устроительниц Собиновских фестивалей в Саратове. При непосредственном участии С.Л. создавался музей Кассиля в его родном Энгельсе, что недалеко от Саратова. Но не менее поразительно то, с каким трепетом и бережностью она относилась к творческому наследию мужа, незамедлительно после его смерти пригласив специалиста для архивации всех рукописей, писем, записных книжек, тетрадок, разного рода заметок, не дав пропасть ни одному листочку. Зная, что я работаю над книгой о Кассиле, С.Л. предоставила мне, безвестной провинциалке, счастливую возможность дважды продолжительное время просуществовать в атмосфере Швамбрании, каковой в некоторой степени был кабинет Льва Кассиля, до того, как все материалы будут сданы в Центральный государственный архив литературы и искусства. И эти дни, равно как и общение со Светланой Леонидовной, естественной и простой, начисто лишенной барственности и снобизма, обремененной всеми заботами хозяйки дома, матери, бабушки, для меня незабываемы. С ней я побывала на Новодевичьем кладбище и поклонилась Льву Абрамовичу на его могиле.

Затем постояла (С.Л. в это время подметала, мыла, поливала цветы) у могилы ее родителей и увидела один из самых прекрасных памятников – Белого Лебедя (работа В. Мухиной, которая доводилась двоюродной сестрой матери С.Л.), символизирующего роль Собинова в опере «Лоэнгрин». С ней я посетила тогда привезенную из Франции выставку импрессионистов в Пушкинском музее. Ее вкус, ее «души высокий строй», замечания, наблюдения обогатили мое восприятие великих мастеров живописи. С.Л. повезла меня в Переделкино, и я посидела в кабинете, где все дышало хозяйном – его работой, читательскими пристрастиями, увлечениями. Потом С.Л. повела меня по поселку, остановились у дома Чуковского, и я увидела знаменитую библиотеку, которую Корней Иванович собирал для детей. Мы подошли к дому Пастернака, затем прошли к его могиле. На стеле – портрет-контррельеф Сарры Лебедевой. На могиле много цветов, недавно положенных: молодежь приходила тогда к Пастернаку почти каждый день и читала стихи. Мне не повезло, я этого не услышала. Зато увидела три березы, которые так любил Пастернак и которые издаലെка смотрелись «в его стекло». Миновав резиденцию патриарха, вышли на дорогу, ведущую к электричке. Здесь рассталась со Светланой Леонидовной, которую с тех пор больше не видела. Потом были только письма. Более 30-ти писем, в которых так явственно ощущается градус преданности делу любимого человека.

Сохранившиеся у меня письма этих трех замечательных людей одухотворены одним чувством – любовью и верностью Кассию, пониманием его места в детской литературе, заботой о судьбе его книг и сохранением его памяти. Публикацию, в которой письма предлагаются выборочно и с купюрами очень личного свойства, правильнее обозначить «Из писем С. Собиновой, Е. Таратуты, Л. Разгона». Она помещена в книге «Кормановские чтения». Вып 9. Статьи и материалы науч. конф. (апрель, 2010). Ижевск, - 2010. С. 464 - 477.

**«ДА БУДЕМ МЫ К СВОИМ ДРУЗЬЯМ ПРИСТРАСТНЫ...»
(Петр Руднев: коллега, учитель, друг)**

Петр Александрович Руднев приехал в Петрозаводск в 1973 году, пройдя по конкурсу доцентом кафедры литературы Карельского педагогического института. И с первых же лекций и бесед с коллегами обратил на себя внимание своей неординарностью, преподавательской страстностью. Он сразу вызвал огромное уважение, даже восхищение одних и неприятие других. Неприятие охранителей официального литературоведения, для которых занятия Руднева стиховедением ассоциировалось с формализмом. Ничего удивительного: Руднев был первым ученым-стиховедом в Петрозаводске.

Немного биографии. Родился 27 марта 1925 года в Ставрополе. В 1942 году со школьной скамьи был призван в армию. Воевал на Кавказском направлении. Был контужен. В 1945 году демобилизован. Экстерном сдал экзамен за 10-й класс. Из воспоминаний П.А. Руднева «В те годы дальние, глухие», опубликованных в газете «Лицей» (1994, апрель, май): «В конце августа сорок шестого года я стал студентом отделения классической филологии факультета русского языка и литературы Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Какое безграничное счастье!.. Еще бы за спиной два с половиной года войны, а я не только жив, но и не изуродован, как некоторые мои сотоварищи по факультету и общежитию <...> И – самое главное: сбылась моя мечта, заветная – стать студентом-филологом. Окопы, вши, сыпняк, «уборка конского состава» – все это далеко позади». В 1950-м Руднев получил диплом с отличием и квалификацию учителя греческого, латинского и русского языка. Он один из лучших и любимых учеников академика А.Ф. Лосева, с которым позже связывала многолетняя дружба. Автографы Лосева на книгах,

подаренных Рудневу: «Дорогому Пете Рудневу, тончайшему ценителю поэзии и моему другу» (на книге «Проблема символа и реалистическое искусство»). «Дорогому Пете Рудневу – моему старому сотоварищу в борьбе со злом» (на «Введении в общую теорию языковых моделей»), «Дорогому Пете Рудневу с чувством неизменной близости учителя и ученика. Любящий автор»... В 1983 году в письме поэту Давиду Самойлову Руднев писал: «В конце сентября съездил в Москву – поздравить своего первоучителя А.Ф. Лосева с 90-летием и даже написал ему латинские стихи сапфической строфой».

Тем не менее, жизнь в науке для Руднева складывалась весьма непросто. Представленная им в 1968 году в Ученый совет МГПИ диссертация «О стихе А. Блока. Полиметрическая композиция. Метр и смысл», несмотря на высокую оценку официальных оппонентов и А.Ф. Лосева, большинством голосов, признававших ее формалистической, была отклонена, а соискателю отказано в присуждении ученой степени кандидата филологических наук. О других причинах свершившегося и атмосфере защиты вспоминает присутствовавший на ней коллега по Коломенскому пединституту К.Г. Петросов: «Первый звонок прозвучал во время оглашения «личного листка по учету кадров». Дойдя до пункта 5, секретарь совета придал своему лицу лукавое выражение и, прочитав с нажимом «русский», выдержал многозначительную паузу. Члены совета при этом дружно и громко вздохнули, выразив таким образом недоверие национальной принадлежности соискателя. Между тем П.А. Руднев, не скрывавший даже в самые трудные времена своих симпатий к гонимым «космополитам», был по отцу русским и имел полное основание запечатлеть этот факт в анкете (мать – Зинаида Абрамовна Зайденшнур – С.Л.).

В 1969 году Петр Александрович блестяще защитил кандидатскую диссертацию в Ученом совете Тартуского университета, а его официальный оппонент академик В.М.Жирмунский назвал автора фундаментального исследования «Метрика Александра Блока», «новатором в изучении стиха». В нем Руднев ввел термин «полиметрическая композиция», прочно вошедший в стиховедческую науку. Более 70 научных работ Руднева опубликовано в авторитетнейших изданиях по теории и истории стиха. Монография «Введение в науку о русском стихе» стала библиографической редкостью. Руднев - исследователь метрики Н.А. Некрасова, В.Я. Брюсова, составитель, метрических справочников по стиху А.Х.Востокова, И.Ф. Анненского, А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, П.А. Катенина, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, составитель библиографии стихорусистики.

Выдающийся ученый нашего времени Ю.М. Лотман, с которым Рудневу довелось работать в Тартуском университете, называл его «отцом русской полиметрии», «одним из ведущих специалистов в области русского стиха». А всемирно известный филолог, стиховед, автор книг об античности академик М.Л. Гаспаров писал о том, что Руднев «заглянул в глубину связи между формой и содержанием, а его методологический опыт представляет еще больший интерес для всех, кому придется заниматься стилистикой стиха».

Авторитет Руднева-ученого был очень высок. «Обеспокою Вас консультацией о стихе Брюсова <...> я ссылаюсь на Вас как на одного из самых авторитетных для меня исследователей по стиху», – писал в 1984 году ленинградский профессор Д.Е. Максимов.

Заслуги Руднева-стиховеда по достоинству оценили не только коллеги-ученые, но и поэты. И среди них уже упомянутый Давид Самойлов, который сам занимался стиховедением, написал «Книгу о рифме» и с которым П.А. обменивался письмами и стихотворными посланиями («Я дошел до точки:/Зрения нема. И на этой строчке /Я Вас обнима. Ваш Самойлов). А это из его письма: «Очень приятно, что в разных городах страны строятся части стиховедческого здания».

Стиховедческую школу Руднева прошли такие теперь известные ученые-филологи, как М. Лотман, С. Шахвердов, А. Байбурин, А. Белоусов, В. Руднев. Добавлю: вдвойне приятно, что стиховедческое здание усилиями Петра Александровича и его учеников, возводилось и в Петрозаводске. Среди многих его учеников – особо любимая им Ирина Нилова, ныне замечательный преподаватель литературы Петрозаводского музучилища. В 2003 году в издательстве КГПУ вышло учебное пособие Лидии Петровны Новинской «Введение в стиховедение. Метрика. Ритмика. Строфика. Стих и смысл» с преамбулой: «Светлой памяти учителя, друга, мужа Петра Александровича Руднева посвящаю». В некрологе (а он умер в октябре 1996 года), в бюллетене Окклендского университета (Новая Зеландия) его ученики пишут: «Говоря о значении в науке П.А. Руднева, мало перечислить его труды и идеи. Нужно отдать должное тому стимулирующему воздействию, которое он оказал на формирование целого поколения русских стиховедов».

Говоря о Рудневе-стиховеде, хочу назвать издание, которое вышло в 1986 году в Петрозаводске в издательстве «Карелия» Это томик стихов Афанасия Фета, составленный, прокомментированный Рудневым и предваренный его оригинальной статьей о личности, жизни и творчестве поэта.

Особая ипостась П.А. Руднева – вузовский лектор. Петрозаводск не был обойден интересными, яркими преподавателями-филологами. Студенты филологических факультетов университета и пединститута разных поколений помнили и помнят лекции В.М. Морозова. И.П. Лупановой, М.М. Гина, Л.Я. Резникова. Но с Рудневым пришел новый тип вузовской лекции. Проблемность, глубина всякий раз соединялись с огромной библиографической оснащенностью. Лекция оказывалась ареной столкновения мнений, приглашением к раздумью над творчеством писателя, отдельным произведением, литературным явлением, в котором скрещивались разные точки зрения, прочтения, подходы, исследовательские методики.

Студент (или другой слушатель) не просто приобщался к готовому знанию, наблюдению, а вовлекался в процесс рождения или формулирования понятия, термина (напр., «лирический сюжет», «эпопея»). Интересно, что библиографическая насыщенность лекций Руднева никогда не вызывала ощущения избыточности, перегруженности. Быть может, это обуславливалось тем, что весь разнообразный источниковедческий материал одушевлялся уважительным отношением к труду каждого исследователя. Неизменно каждый ученый, независимо от рангов и званий, в лекциях Руднева назывался по имени-отчеству. Сначала это вызывало удивление, нередко улыбку, а позже незаметно привилось, стало нормой для многих преподавателей кафедры, а затем и студентов особенно на процедуре защиты дипломных работ. Лекции Петра Александровича отличали тщательно продуманная структура, композиционная строгость, соразмерность всех частей, наконец, экспрессивность, особая энергия, которая передавалась слушателям. К этому добавлю: читал Руднев свободно, как будто импровизировал. Но именно «как будто», потому что за всем этим стояла огромная работа. Мне не раз приходилось быть свидетелем того, как Петр Александрович готовился к лекциям: отбирал материал, много раз просматривал свои записи, перечитывал тексты. А главное – внутренне сосредотачивался. Становился напряженным. Волновался. Но зато после удачно прочитанной лекции начинал шутить, потирал руки. Любил, когда хвалили, – радовался, как ребенок.

Известный филолог Б. Я. Бухштаб, относившийся к Рудневу с трогательной отеческой любовью и заботой (не раз это наблюдала) называл его «преподавателем по натуре». Сам же Петр Александрович в письме к Борису Яковлевичу писал: «...выкладываюсь до последнего, прихожу домой (точнее приволакиваюсь) и даже иногда не могу заснуть».

Лекции П.А. пользовались огромной популярностью. «На Руднева» ходили не только сотрудники кафедры (некоторые из них полностью прослушали его курсы «История русской литературы второй половины XIX века», «Теория литературы», спецкурс по стилистике стиха), но и студенты других факультетов, преподаватели Петрозаводского университета и Петрозаводской консерватории. Не напрасно выкладывался до последнего на своих лекциях Петр Александрович, не напрасно священнодействовал. Его учительство с благодарностью вспоминают коллеги и многие выпускники: «Мы учились у Руднева», «Мы сдавали Рудневу». А это мнение одной из выпускниц института Е.И. Сярки: «Одно из самых светлых воспоминаний об институте – Петр Александрович Руднев. Его лекции – наслаждение. Он ассоциировался у нас с Ю.М. Лотманом. Как он читал!.. Уважал наше мнение, выслушивал. Мы подтягивались, хотели нравиться ему, быть для него интересными собеседниками. Стыдно было чего-то не знать. Поэтому как готовились! Был праздник, если чувствовалось, что Петру Александровичу это интересно. Он учил нас культуре общения».

Нисколько не преувеличивая, скажу: Руднев-лектор, Руднев-преподаватель оказал на меня огромное влияние. Училась у него. Просматривая свои лекции по фольклору, древнерусской, детской литературе, невольно ловила себя на мысли «а что здесь скажет Руднев?» Сам факт его присутствия на кафедре обязывал, хотелось соответствовать.

Но совершенно особенным было влияние Руднева на моего сына Якова Гина (1958-1991; лингвист, кандидат филологических наук, доцент КГПИ; автор книг, вышедших посмертно и подготовленных С.М. Лойтер: «Поэтика грамматического рода» – Петрозаводск 1992, «Проблемы поэтики грамматических категорий» – СПб, 1996, «О поэтике грамматических категорий» – Петрозаводск, 2006).

Когда они встретились, он был девятиклассником. Петр Александрович покорила его тем, что разговаривал на равных, без снисходительности и ученого превосходства. Он посвятил его в свои научные интересы, давал читать работы по стиховедению, пригласил на свои лекции по русской литературе XIX века, которые Яша воспринял восторженно. Позднее, став студентом филологического факультета Петрозаводского университета, он прослушал стиховедческий спецкурс Петра Александровича.

Интересна динамика их отношений: от поклонения, обожания к глубокому уважению и дружбе. Этому не мешала разница в возрасте. Они стали близкими, нужными друг другу людьми. В конце 1982- первой половине 1983 года Яша жил в Калинин и за это время написал П.А. более двадцати писем (их переписка опубликована в Ежеквартальнике русской филологии и культуры, СПб, 1998. Т.II, №4. С. 510-524). В одном из них (от 8.09.82) он пишет: «В Вашем последнем письме, дорогой Петр Александрович, я особенно сильно – физически почувствовал Вашу интонацию, услышал Ваш голос. Очень скучаю без Вас – как хорошо бы увидеться! Ну, даст Бог, случай какой-нибудь скоро представится». В ноябре 1982 года Яша участвовал в научной межвузовской конференции в Таллине, организатором которой был доцент Таллиннского педагогического института А.Ф. Белоусов. Руднев познакомил их, сам же из-за болезни на конференцию приехать не смог. Разумеется, Яша подробно описал ее в письмах Петру Александровичу. «Я только что приехал из Таллина, где очень Вас не хватало, по общему мнению участников конференции». (Далее следовал подробнейший рассказ о докладах М.Л. Гаспарова, Ю.М. Лотмана, З.Г. Минц, В.С. Баевского, Б.О. Кормана и др.). Когда Яков работал над статьей «Судьба Филомелы в русской поэзии», у него возникли вопросы, требующие консультации специалиста по античной истории. Петр Александрович пишет письмо своему учителю А.Ф. Лосеву: «Один очень одаренный молодой филолог, читающий в нашем институте курс лекций «Введение в языкознание» и занимающийся лингвостилистикой, обратился ко мне с рядом вопросов, касающихся античности, на которые, увы, я ответить не смог.

Понимая, как дорого для Вас быстро текущее время, я все-таки рискую обратиться к вам за консультативной помощью – как ваш верный ученик, почитатель и друг...» Письмо было написано 7 августа 1985 года, А.Ф. Лосев был уже тяжело болен, поэтому ответить не смог. Позже эти вопросы Яша адресовал Михаилу Леоновичу Гаспарову, который ответил с неизменной доброжелательностью.

«Друг, сынок, соавтор, собрат» – так начинается одно из шуточных посланий Петра Александровича Яше. «Сынок» (а то и «щенок») – так он называл его часто, любил, помогал, заботился потечески. Они были соавторами: в Известиях Академии Наук (серия литературы и языка, том LVI) опубликована их совместная рецензия на книгу И.И. Ковтуновой «Поэтический синтаксис».

В письмах, разговорах по телефону, непосредственном общении Яша называл Петра Александровича «ребе». По просьбе Руднева одним из первых рецензентов рукописи книги «Введение в науку о русском стихе» был Яша. Отзыв он написал обстоятельный и вполне объективный. Начинался он так: «Дорогой ребе! Половину Вашего труда (т.е. все, что Вы мне дали) я прочел – и с удовольствием. Лучшее, что в нем есть – Ваша интонация, Ваш жест. Поэтому написано приподнято и вообще хорошо. <...> А теперь некоторые более или менее частные замечания, – перефразируя поэта: «Прими на радость из моих ладоней немного меда – и немного дегтя». Далее следовали эти самые замечания. А в конце снова: «Дорогой ребе! Итак, пишите и заканчивайте свои «Пролегомены»! Вы можете согласиться или нет с моими замечаниями. Зачем я их столько написал? «Сотри случайные черты», ребе, со своего труда. <...> Пусть сей доработанный труд будет достоин тебя, учитель! И пусть будут будущие филологи учить стихосложение по Рудневу. Ваш Я. Гин». Отзыв имел подзаголовок «Письмо Рудневу о правилах российского стихотворства». Это и послужило основой одного из шутливых посланий Яши Петру Александровичу. «Полиметрическая композиция» с подзаголовком «Стиховед» – писана была ко дню рождения П.А. Руднева в предвкушении обильных и вкусных угощений, которыми так славился дом Руднева-Новинской и в котором так любил бывать Яша и другие люди разных возрастов и занятий...

Приведу стихотворение частично:

У них – все не как у людей.
Совсем особа их порода
Далёки от забот народа
В их голове – ямб и хорей.

2.

С постели рано он встает...
«Хлеб с маслом ест и кофе пьет» -
Подумаете вы
Каков ответ?
Да – нет, да – нет.
Да – нет, да – нет.
Амбивалентен стиховед. <... >
Пусть стиховед амбивалентным
И останется.
Ведь это всем нам очень нравится.
Но
Одно
Волнует нас сейчас.
Пускай накормит и напоит
Он НЕ амбивалентно нас.

Яков Гин, 25.03.1978.

Смерть Яши Петр Александрович перенес очень тяжело.

Двадцать три года он был в жизни нашей семьи, когда нас связывала дружба. Двадцать три года «работали с тобой» (это из его стихотворения мне на 8-е марта, когда «принес ... в подарок Лихачева»). Двадцать три года он был живой связью родственной души. А это самое нерасторжимое единство.

Последние годы жизни были для Петра Александровича тяжкими. Он очень страдал от вынужденного из-за болезни выхода на пенсию. И часто повторял эти тютчевские строки:

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня.
Тяжело мне, замирают ноги.
Друг мой милый, видишь ли меня?

В ответ на этот вопрос приведу строку Беллы Ахмадулиной: «Да будем мы к своим друзьям пристрастны», которая имеет печальное и горькое продолжение – «Терять их страшно, Бог не приведи». Друзья, коллеги по работе, ученики и среди них два очень известных ученых России А.К. Байбурин и А.Ф. Белоусов собрали и выпустили в 1999 году в Санкт-Петербургском издательстве «Академический проект» книгу «*Studia metrica et poetica: Памяти П.А. Руднева*» – сборник, содержащий воспоминания (в том числе автора этих строк), библиографию работ, статьи, посвященные различным вопросам стиховедения и многообразным проблемам изучения литературы и фольклора. И это достойный памятник блестящему филологу.

Петр Руднев

Яков Гин

ЕВРЕЙСКИЙ ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР И ЕГО СУДЬБА

Еврейский детский фольклор, как и еврейский фольклор вообще – неотъемлемая часть культуры создавшего его народа, и одновременно особая самостоятельная область его народно-поэтического творчества. Понятие «детский фольклор» охватывает две группы произведений: 1) те, что созданы взрослыми и адресуются детям – так называемая «лирика материнства» или материнская поэзия, обращенная к младенческому возрасту, – колыбельные песни, потешки, прибаутки; 2) созданные самими детьми и бытующие в их среде — считалки вместе с сопровождающими их играми, дразнилки, скороговорки, сказания и разные истории, «майсес».

Дети всех народов мира имели и имеют свой фольклор. В отличие от фольклора «взрослых», многие жанры которого исчезают, претерпевают процесс разрушения, детский фольклор – вечно живое явление, не знающее угасания и исчезновения. За последние десятилетия вышел целый ряд сборников русского, украинского, белорусского, американского, английского, финского бытовавшего и бытующего детского фольклора.

Больно и тяжело сознавать: еврейский детский фольклор (я говорю только о детском фольклоре на языке идиш) с первых десятилетий XX века как живая традиция не существует. Он исчез вместе с тысячами его создателей и носителей. И лишь отдельные тексты как воспоминание сохранились в памяти людей весьма преклонного возраста. Именно как наследие помещены произведения материнской лирики в антологии «Еврейская народная песня» (СПб., 1994) равно, как детские сказки в сборнике «Еврейские народные сказки» (СПб., 1999).

Приведу две очень распространенные в свое время колыбельные песенки:

Под кроваткой деточки
Беленькая козочка.
Вот козочка пошла купить
Изюма с миндалем,
Изюма с миндалем очень сладким.
Будь здоров, малыш
Спи в кроватке.

Спи же, моя птичка,
Закрой свои глазки.
Спи, мое дитя, спи.
Спи же, моя птичка,
Закрой глазки.
Спи, мое дитя, спи.

Еврейские мамы, как и мамы всех других народов, понимали, как важны эти непритязательные импровизации для физического, нравственного, духовного здоровья их детей, и несли своим детям этот поэтически выраженный сигнал любви, нежности, заботы, защищенности.

Что касается собственно детского еврейского фольклора, т.е. создаваемого самими детьми, то дошедшие до нас записи и публикации его крайне малочисленны. Они содержатся в работах начала века и изданиях 1920 – 30-х годов С. М. Гинзбурга и П. С. Марека «Еврейские народные песни в России» (СПб., 1901), С. А. Ан-ского (Рапопорта) и Бейлина. С 1940-х годов собрание и изучение еврейского фольклора вообще и детского, в частности, было прервано, как мы теперь знаем, не только вследствие преступлений фашизма, но и антиеврейской политики государства.

Между тем в многочисленных еврейских поселениях («штетл») на территории Украины, Белоруссии, Молдавии, Румынии, Польши, Литвы, Латвии, где на протяжении почти трех веков протекала жизнь восточноевропейского еврейства, полнокровной жизнью жил на идиш детский фольклор.

Трагична судьба этих поселений, стертых с лица земли во время Второй мировой войны. Трагична и судьба еврейского детского фольклора. О широком бытовании еврейского детского фольклора мы узнаем опосредствованно, через русский фольклор. Выдающийся собиратель и исследователь русского детского фольклора Г. С. Виноградов (одной книгой «Страна детей» СПб., 1998 – вышли его труды) в своей работе «Детские игровые прелюдии» 1929 года, изучая генезис и поэтику считалок, возводит происхождение некоторых любимых детьми заумных считалок к еврейским источникам. Он цитирует записанную в Ленинграде считалку

Айс, цвей, драй
Лида, Лида, лай
Окен, бокен, шандарыкин,
Шарин, барин, пик.

и комментирует ее как заимствование или переделку стихотворения, которое в Ковенской губернии распевалось еврейскими детьми при различных играх, подтверждая ссылкой на идишский текст из сборника С. М. Гинзбурга и П. С. Марека «Еврейские народные песни в России»:

ניט יינס, ניט צוויי, ניט דריי,
אָדער - יירער - ליי!
אָקען, באָקען...

Из предоставленного в его распоряжение рукописного сборника некоего В. А. Гуревича: Г. С. Виноградов приводит несколько считалок:

Энэ бэнэ рэс,
квэнтэр мэнтэр жэс,
энэ бэнэ рабо
квэнтэр мэнтэр жаба.

Энэ бэнэ
торба сорба
энце звака
таус эус
косматэус.

Он полностью воспроизводит интерпретацию собирателя, об убедительности которой должно судить гебраистам. Суть ее состоит в том, что источником считалочной лексики (каждое слово расшифровывается Гуревичем) являются переиначенные детьми молитвенные тексты на древнееврейском языке, которого дети не понимали и воспринимали как заумь. «Перенимая эти тексты от еврейских детей, – пишет Виноградов, – русские дети неминуемо должны еще более исказить слова чужого языка: случайное звуковое сходство делает возможным их новое осмысление и новую обработку».

И еще один чрезвычайно любопытный пример влияния еврейского детского фольклора на русский. Он связан с Карелией, точнее Олонецкой губернией. В самом начале XX века «Народные игры в Поморье» (так называется статья) записывал ссыльный этнограф Г. Цейтлин, много изучавший народную культуру Севера. Его работа помещена в журнале, рассказывавшем о жизни Северного края – «Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера» (1911, № 13, с. 7-21). В селе Лапино, недалеко от Сумского Посада, Цейтлину довелось среди других записать игру, которая называется «Селюгой». Перед игрой дети «шаландаются» или «мечутся», т.е. определяют считалкой, кому кем быть. «В этом наборе слов, – пишет Г. Цейтлин, – поражает его еврейское происхождение. В г. Орше Могилевской губернии мне пришлось слышать, как «шаландаются» перед игрой еврейские дети.

Вот эти слова:

Ендиль, (одна)
Бендиль, (косточка)
Цюп, (тяни)
Ацендиль. (зуб)
Ачу
Вачу
Видишь,
Корешь,
Чван.

«Перенимая эти тексты от еврейских детей, – пишет Г.С. Виноградов, – русские дети неминуемо должны еще более исказить слова чужого языка: случайное звуковое сходство делает возможным их новое осмысление и новую оболочку».

«Еврейский элемент» устанавливают в русской считалке современные исследователи И.И. Земцовский и А. Л. Топорков, последний цитирует многократно записанную в начале XX века в России, Белоруссии и на Украине считалку

Оны-боны ре,
Интер квинтер жес,
Оны-боны раба,
Интер квинтер жаба,

в которой целый ряд слов возводит к идиш.

Эти примеры заимствований и влияний еврейского детского фольклора для нас очень важны как свидетельства его полнокровной жизни в прошлом.

Буду признательна людям старшего поколения, кто вспомнит ушедшие из обихода тексты детского фольклора, которые сегодня могут быть расценены как памятники родного слова.

ЕВРЕЙСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Эта статья инициирована заинтересовавшей меня работой израильского музыканта и фольклориста Михаэля Лайнванда «Колыбельная в фольклоре идиш как отражение жизни народа» (журнал «Корни», 2003. №19). Ее автор основывается главным образом на редких, изданных в разные годы за рубежом источниках и обращается к содержательной стороне фольклорной и литературной колыбельной песни, широкому спектру ее тем и мотивов, обусловленных судьбой еврейского народа, его историей и, как он говорит, «стремительно меняющимся миром». Рассматривая ее именно в этой плоскости, Лайнванд справедливо заключает: «Итак, колыбельная на идиш, будучи продуктом, с одной стороны, народа-изгоя, лишенного национальной родины, бесправного и угнетенного, но наделенного бунтарским духом, а с другой – обстоятельств: голода и нищеты, погромов, эмиграции, революций, войн, гетто и лагерей уничтожения и т.д., как таковая выполняет свою основную функцию – успокаивать, укачивать, убаюкивать – лишь частично и в основном за счет мелодии. Текст же ее – это излияние «тяжелого сердца» матери. Он пробуждает, протестует, борется, взывает, призывает. Нередко это песни гнева, ужаса, социальной бури и натиска. Из них исчезает колыбелька вместе с объатым пламенем домом, а в ней – и отец, и мать, да и сам адресат, ребенок».

Действительно, насыщенность еврейских колыбельных песен не свойственными этому жанру мотивами, делает их уникальными и неповторимыми. Происходит несомненная трансформация жанра, его пересоздание и политизирование. Песни успокоения становятся песнями гнева и борьбы, обретают новый смысл и новую окрашенность. И таких текстов много. Приведу лишь один пример из сборника Н. Гребнева «Песни былого»:

... Спи, мой маленький, пройдут года,
Может, выживешь и станешь старше,
Может статься, отомстишь тогда
Ты за ложь, за кровь, за слезы наши.
Лю-лю-лю.

«Прочитывая» еврейские колыбельные только под таким углом зрения, можно согласиться с М. Лайнвандом, назвавшим их «бездомными колыбельными бездомного народа», «лишь частично выполняющими свою основную функцию».

Между тем колыбельные еврейские песни – неотъемлемая составляющая давней народной традиции, один из традиционных жанров еврейского фольклора вообще и еврейского детского фольклора, в частности. В его основе, как вообще в классическом фольклоре, вера в магическую функцию слова. Еврейские колыбельные складывались на протяжении веков, когда народ-педагог, народ-мудрец отбирал эти поэтические произведения для самых маленьких. Это так называемая «лирика материнства» или материнская поэзия. Она обращена к ребенку, не ведающему содержания и смысла слов, еще не различающего окружающих его людей и предметы, но уже узнающего голос матери. Именно голос матери создает то эмоциональное поле, в основе которого – надежность, защищенность бытия. Голос матери – сигнал любви, нежности, заботы – вызывает у младенца бессознательное чувство доверия, успокаивает, убаюкивает.

Колыбельные еврейские песни бытовали в многочисленных еврейских поселениях («штетл») на территории Украины, Белоруссии, Молдавии, Польши, Литвы, Латвии, где почти на протяжении почти трех веков протекала жизнь восточноевропейского еврейства, и где ему разрешалось жить. Еврейские мамы, как и мамы всего мира, исполняли свои непритязательные импровизации, понимая, как они важны для физического, нравственного, духовного развития их детей.

Известна трагическая судьба этих поселений, стертых с лица земли после второй мировой войны. К преступлениям фашизма добавилась послевоенная антиеврейская политика советского государства, отлучившего детей от своего языка и своей культуры. С этого времени еврейский детский фольклор как живая традиция перестал существовать. Однако детский фольклор и колыбельная песня оставались в памяти людей преклонного возраста, сохранялись как воспоминание. Они и составили записи и вошли в публикации еврейского фольклора, сделанные в XX веке и содержащиеся в работах и изданиях фольклористов и музыковедов С.М. Гинзбурга, П.С. Марека, С.А. Ан-ского (Рапопорта), М.Я Береговского и других. Фольклорные колыбельные вызвали к жизни литературные колыбельные, и последние стали бытовать как народные, оторвавшись от имени создавшего их автора (в их числе песни Шолом-Алейхема, М. Гебиртинга). Об этом красноречиво свидетельствует наиболее репрезентативная антология «Еврейская народная песня», (составлена и подготовлена М.Д. Гольдиным, И.И. Земцовским, Л.М. Печерской, СПб., 1994). В ней, как и в сборнике «Мелодия и образ: десять избранных еврейских народных песен» (составитель Ителла Мастбаум, Иерусалим, 2003), соседствуют тексты народной и литературной колыбельных песен.

И эти издания дают основание говорить о еврейской колыбельной песне как полнокровном, самостоятельном жанре национального традиционного фольклора, явлении традиционной культуры и, наконец, национальной культуры детства. И в этой своей ипостаси еврейская колыбельная песня, как колыбельная всех народов мира, выполняет свою главную функцию – успокоительную, основанную на утверждении сна, усыплении ребенка.

Колыбельную ситуацию создает в ней слово-приказ, слово-команда, слово-формула «спи».

Спи скорей, мой Янкеле, мой славный...
Ну, спи скорей...

Shlof zhe mir shoyn, majn sheyner,...
Nu, shlof zhe mir...

(Спи-усни, мой Янкеле. Мелодия и образ; с. 19)

Спи, мое дитя,
Моя надежда, красавец мой,
Спи же, сыночек,
Спи, моя гордость...

Shlof, main Kind,
Main treist, main seiner,
Shlof ze, zuneniu.
Shlof, main kroin...

(Антология, №5)

Спи, мое дитя,
Моя надежда, красавец мой.
Спи же, лю, лю, лю,
Спи, жизнь моя...

Shlof, main kind,
Main treist, main seiner,
Shlof ze, lu,lu,lu
Shlof, main leb...

(Антология, №6)

Другое слово-стабилизатор, дающее ребенку установку на успокоение и являющееся неким акустическим сигналом для засыпания, характерное для еврейской колыбельной «люленьки» и его варианты (аналоги русскому «бай-бай»).

Ай-лю-лю-лю,
Ай-лю-лю-лю-лю-лю-лю...
(Антология, №4)

Люленке, птичка моя,
Люленке, дитя мое.

Lulinke, majn feigele,
Lulinke, majn kind.
(Антология, №10)

Охранительная функция в песне принадлежит, прежде всего, маме, энергии и силе материнского чувства. Ее семейно-иерархическая роль хранительницы дома и семьи устойчива, неизменна (в отличие от роли отца). Мама постоянно и безотлучно с ребенком, на ее долю выпадают все трудности его роста, все тяготы повседневной жизни.

...Что ж ты плачешь
И не хочешь глазки закрывать?
Твоей матери усталой
Ночь опять не спать.
Буду я тебя качать,
Люлинке моя.

Pestest zix un vejnst
Un shlofn vilst du nit.
Maxst dox dajn farmaterter muter
Smerch mir dermit.
X`vel dix vign? Lider zingen,
Lulinke, majn kind.
(Антология, №3)

...У колыбельки твоей
Сидит твоя мама,
Поет песенку и плачет,
Когда-нибудь ты поймешь,
О чем она думает.

Baj dajn vig
Zict dajn mame.
Zingt a lid un veint,
Vest amol farstein mistame,
Vos zi hot gemejnt.
(Антология, №5)

Явно к древним представлениям восходит заговорный мотив, который вводит в свою импровизацию мама-охранительница ребенка от всех злых сил:

Сыночек мой родной <...>
<...> Я двери затворю,
Тебя заговорю
От порчи и от сглаза,
Пусть и колдуньи спят,
А порча и зараза
От сына улетят.
(Песни былого, с. 194)

В другой песне мама высказывает благодарение Б-гу за ниспосланное ей дитя и молит его быть охранителем и успокоителем ребенка:

Мне послали небеса тебя, мой сынок!
Спи, усни, моя любовь, усни, мой ангелок!
Ты, как солнце, жизнь мою озарил собой,
Ты мне дороже всех богатств,
Миленький сыночек мой.

У кого еще найдешь чудеснее сына?
Глазки, точно звездочки, два прозрачных родничка.
Боже, я тебя молю, сына моего храни!
Мой бесценный ангелок,
Усни, сынок, усни!
(Антология, №11)

Отношение матери к ребенку неизменно связано с его идеализацией. Без преувеличения можно утверждать, что еврейская колыбельная – своеобразный памятник материнской любви, первоначало понятия «а идише маме», вошедшего в обиход с очень известной песней.

Один из самых частотных мотивов колыбельной песни – мотив будущего благополучия. Специфика этого мотива в еврейском варианте, это отметил и Лайнванд, – особый пиетет по отношению к книге, обретению знаний, изучению Талмуда и Торы, учености.

Он скоро в хедер, в добрый час пойдет.
И будет там учить Талмуд и Тору.<...>
Он будет наизусть читать Гемару,
И папа будет слушать и сиять.<...>
Ну, спи скорей, мой будущий ученый...
(Мелодия и образ, с. 19)

...Будет в хейдер бегать много,
Там учиться будет долго...

Мир еврейской колыбельной песни (об этом говорят и уже цитированные тексты) включает в себя несколько рядов персонажей. Самый главный – человеческий (ребенок, мать, отец). О ребенке и матери уже говорилось. Что же касается отца, то его семейный статус не столь однозначен: он глава семьи, кормилец, его деятельность в основном происходит вне дома – и тогда он пример для подражания ребенку, но он может быть и разрушителем семейного начала.

Люленьки, люли,
... Папа уехал.
Куда он поехал?
Он в Буки поехал.
А что он там купит?
Корову с телянком.
А кто ее будет доить?
Мы с тобой.

(Мелодия и образ, с. 21).

Он не первым, не последним
Примет смертный бой!
Так не плачь, дитя, твой папа –
Он большой герой....

(Антология. № 7)

На базар твой папа не пойдет,
Изюм и миндаль не привезет.
Люлиньке, мой сын.
Уехал он от нас с тобой.
Нас он бросил, мальчик мой.
Люлиньке, мой сын

(Антология, №20).

Животные, которые окружают ребенка, преимущественно из окружающего мира природы: это либо мирные домашние – корова, теленок, гусочка, петушок, либо птички, причем не определенная биологическая особь, а собирательное – «птичка», «птички» («feigele»).

На ветвях уснули птички,
Спи, дитя, мое.

(Антология, №23)

Один из самых популярных мотивов – мотив козочки, белой козочки.

Под кроваткой деточки
Беленькая козочка.
Вот козочка пошла купить
Изюма с миндалем...
(Антология, №13)

Коза, козочка с ее символикой плодородия, благополучия имеет в мировой (начиная с античной) и еврейской традиции древние мифологические корни. И в этом качестве козлик – жертвенное животное еврейской пасхальной обрядности. Акт жертвоприношения с перекладыванием вины своеобразно отражает пасхальная песня-сказка «Козлик». Наконец, еврейская колыбельная песня – песня дома. Кроватка, у которой сидит мать, – это фиксированное защищенное пространство дома. У бездомного ребенка нет своей кроватки.

Спи, моя дочурка.
Спи в своей кроватке.
Песенку тебе спою,
Чтоб заснула сладко.
(Антология, №3)

У колыбельки твоей
Сидит твоя мама,
Поет песенку и плачет...
(Антология, №5)

Таков мир еврейской колыбельной песни, имеющей давнюю традицию и являющейся бесценным памятником народной культуры. Потенции и импульсы жанра праматери оказались настолько мощными и продуктивными, что дали жизнь произведениям недетской тематики, произведениям с новыми мотивами, отразившими трагические страницы истории и судьбы еврейского народа.

КЛАССИК ЕВРЕЙСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ М.Я. БЕРЕГОВСКИЙ И ЕГО «ПУРИМШПИЛИ»

Прошедший праздник Пурим побудил меня рассказать, насколько это позволяет газетная площадь, об уникальной книге и уникальной судьбе ее создателя Моисея Яковлевича Береговского, выдающегося собирателя и исследователя еврейского фольклора (1892-1961). Книга называется «Пуримшпили: Еврейские народные музыкально- театральные представления», вышла она в Киеве в 2001 году и завершает пятитомное исследование М.Я. Береговского: I том – Рабочие и революционные песни. Песни о рекрутчине и войне (1934), II том – Любовные и семейно-бытовые песни, III – Еврейская народная инструментальная музыка (1987), IV-й – Еврейские народные напевы без слов(1999), V том – Пуримшпили. Этот пятитомный труд называют «энциклопедией еврейского музыкального фольклора», а каталог фоноваликов из коллекции Береговского внесен среди прочих культурных ценностей в Золотую Книгу ЮНЕСКО.

Родившийся в семье скромного учителя хедера в маленьком украинском селе Термаховка Киевской губернии, рано приобщившийся к музыке, М.Я. Береговский, преодолев все трудности и препятствия, в 1915 году поступил в Киевскую консерваторию. Окончив ее, преподавал музыку в киевских еврейских школах, руководил еврейским самодеятельным хором Киевского отделения «Общества еврейской народной музыки», активно сотрудничал с «Культурлигой» – организацией, которая была призвана приобщить широкие еврейские круги к культуре. Так он шел к главному делу своей жизни – собиранию и изучению еврейского фольклора. С 1927 года систематически и целеустремленно Береговский занимается собиранием и записыванием народной музыки, становится заведующим отделом фольклора в Кабинете еврейской культуры Академии Наук.

«Каждое лето вместо отдыха он отправлялся с фонографом в экспедицию и радовался многочисленным находкам и открытиям, записывая от разных исполнителей с помощью фонографа и на слух еврейскую народную музыку во всем разнообразии ее форм». Много и плодотворно работал он после войны, в 1944-1945-м годах, организовывая экспедиции в места еврейских гетто. Эти материалы легли в основу работы о еврейском фольклоре военного времени, когда и перед лицом смерти люди не переставали петь. Коллекция обогащалась бесценными записями.

Но настал зловещий 1949 год, и вскоре после гибели С. Михоэлса, грубо инсценированной как несчастный случай, и уничтожения Еврейского антифашистского комитета пришел черед Кабинета еврейской культуры. Его закрыли, а «безродного космополита» М.Я. Береговского арестовали и приговорили к 10 годам заключения в лагерях особого режима. В лагере под Тайшетом Береговский сначала работал на лесоповале и вскоре сам получил возможность убедиться в том, что поют не только в гетто и концлагере, устроенном гитлеровцами, но и в советском концлагере. Отсидев половину срока, Береговский был выпущен на волю «по недугу» – без права вернуться домой и вообще без всяких прав. За его реабилитацию боролись Д.Д. Шостакович и М.Ф. Рылский. Справка о реабилитации была получена лишь летом 1956 года. До последних дней своей жизни он, больной и измученный хлопотами о пенсии, приводил в порядок свои рукописи, переписывал ноты, перепечатывал тексты, уточнял комментарии, потому что, страстно любя еврейскую культуру, видел в ней часть культуры общечеловеческой, а свою миссию в том, чтобы спасти от забвения и исчезновения то, что еврейский народ создавал веками и что имеет – в этом он был уверен – непреходящую ценность.

Рукопись книги «Пуримшпили» была конфискована в 1950 году во время ареста М.Я. Береговского и полстолетия терпеливо ждала встречи со своим читателем. В ее издании большую роль сыграла дочь автора – Э.М. Береговская, чьи две статьи – предварения («К истории создания «Пуримшпилей» и «Еще раз о судьбе М.Я. Береговского») создают живой «портрет» замечательного человека, подвижника и ученого, вся жизнь которого — служение науке и любимому делу. Его дополняет прекрасный очерк известного литературоведа, зятя М.Я. Береговского В.С. Баевского «Классик и его дочь», опубликованный в материалах межвузовской научной конференции, 11 выпуске «Кормановских чтений» (Ижевск, 2012, с. 482-502).

«Пуримшпили» в фундаментальном научном издании увидели свет через много лет после смерти их собирателя и исследователя. И это событие огромного культурного значения. Еврейский народный театр предстал во всей своей полисюжетности и многовариантности. Самая популярная, широко бытовавшая и наиболее часто разыгрываемая и в наше время пьеса «Ахашверош-шпиль» на сюжет Книги Есфирь помещена в сборнике в девяти вариантах. Здесь же помещены пуримшпили, относящиеся еще к шести библейским сюжетам: Продажа Иосифа, Заклание Исаака, Мудрость Соломона, Благословение Иакова, Соломон и Асмодей, Давид и Голиаф. Все они печатаются на идиш латинским шрифтом. И только последняя пьеса «Давид и Голиаф» прекрасно переведена и прокомментирована историком, этнографом Валерием Дымшицем (он же переводчик «Еврейских народных сказок»), который является редактором текста «Пуримшпилей». Названный же перевод и исследование «Мы к вам пришли не театр представлять» помещены в петербургском сборнике «Судьбы традиционной культуры: Памяти Ларисы Ивлевой» (СПб., 1998).

То, что когда-то существовало в живой традиции, теперь благодаря труду фольклориста перешло в книгу, которая дает новую жизнь народному театру. И снова один раз в году – в праздник Пурим разыгрываются представления с элементами карнавала, переодевания, маскарада, раздаются веселый свист и топание ног при упоминании имени Амана – архетипа всех злодеев и ненавистников еврейства, сжигается его изображение, тарахтят специально изготовленные трещотки. А со сцены звучит: «Что за шум и гам? Тише тут и там! Пуримшпиль мы сыграем вам! Тихо, ша!»

ХАСИДСКИЕ ПРИТЧИ

Неведомую древнюю и многовековую литературную традицию еврейского народа «открываем» для себя и в жанре притчи, очень характерной для библейского миропонимания и национального мышления. «Десять ступеней: хасидские притчи» – так называется книга, о которой пойдет речь. (М., Иерусалим: Гешарим, 1998)

Притчи – это небольшие произведения, преимущественно без сюжета, образов, «учительного» в высоком смысле слова характера. Притчи – это «премудрости» религиозного или морального порядка, тяготеющие к дидактике. В них ни о ком и ни о чем не рассказывается, а есть непосредственная обращенность к читателю, слушателю, к каждому из нас с предложением задуматься над первоосновами своего существования, подумать, поразмыслить о себе, о своей жизни на земле, о том, как наполнить ее содержанием. Притча – это диалог, диалог каждого участвующего в нем с Б-гом, миром, другим человеком, ибо каждый постигающий притчу внутренне отвечает. Древнееврейская мудрость гласит: «Подобно тому, как при свете грошовой свечки отыскивается оброненный золотой или жемчужина, так с помощью притчи познается истина».

Притчи-мудрости из рекомендуемой книги извлечены из Танаха (Библии), Талмуда, Мидраша, молитв, из стихов средневекового поэта Иегуды Галеви, комментатора Библии и Талмуда р. Шломо Ицхака, мудреца Гилеля (I в. до н. э.), Раби Шимона (II в. н. э.) и множества других источников.

Эту колоссальную собирательскую и исследовательскую работу осуществил еще в 1947 году (видимо, тогда в Иерусалиме впервые и вышла эта книга) Мартин Бубер, выдающийся еврейский философ-экзистенциалист, переводчик (кстати, для нас, живущих в Карелии, немаловажно – он переводчик «Калевалы» на немецкий язык), писатель, поэт, педагог, психолог, исследователь хасидизма, гуманист. Поскольку истории издания «Хасидских притч» нет, мне приходится предположить, что первое иерусалимское издание было переведено на английский язык, с которого в 1980 году М. Гринбергом был сделан русский перевод, а редактирование русского издания в Москве осуществил П. Гиль.

Десять ступеней – это десять разделов, а в них десять проблем о первоосновах человеческого бытия: 1) ступень Бога и человека, 2) ступень молитвы, 3) ступень небес и земли, 4) ступень служения, 5) ступень учения, 6) ступень пути, 7) ступень любви, 8) ступень добра и зла, 9) ступень гордыни и смирения, 10) ступень спасения.

Притчи невозможно пересказывать, их надо читать. Каждый найдет в них важное для себя. Я привожу, насколько позволяют условия издания, иногда целиком, иногда в виде извлечений то, что близко, ценно мне...

Человек на земле

Вопрос: почему написано: «В день, когда Бог создал человека, а не «в день, когда Бог создал человечество»?

Ответ: Ты должен служить своему Создателю так, словно на земле есть лишь один человек – ты сам.

В слове

Ты должен произносить слова так, словно небеса открываются в них, и не в уста ты вкладываешь свое слово, но будто ты сам воплощаешься в слово.

Среди людей

Есть люди, которые сильно страдают и не могут рассказать, что у них на сердце – они идут, и путь их полон страдания. Но если они встретят человека, чье лицо светится радостью, он способен оживить их своим весельем. И нет такой мелочи, которая не способна была бы развеселить человека!

Обновление

Чтобы совершенствоваться, человек должен обновляться изодня в день.

Бесконечность

Бесконечность должна вмещать в себя все дела человека: как он говорит и идет, слышит и видит, стоит и падает ниц.

Десять принципов

<...> От ребенка ты можешь научиться трем вещам: ребенок весел без особой причины; он ни минуты не сидит без дела; когда он желает чего-либо, он требует настойчиво. <...>

Соучастие

Вот как комментировал раби Михл слова Гилеля: «Если не я для себя, кто для меня? Если я только для себя, что я?» <...>

Учиться у всех

Вопрос: в трактате Авот (4:1) мы читаем: «Кто мудр? Тот, кто учится у всех людей, как сказано: «Я приобретал ум ото всех, учивших меня». Почему не сказано: «Тот, кто учится у всех наставников?»

Ответ: мудрец, высказавший эту мысль, стремится помочь нам осознать, что мы можем учиться не только у тех, для кого преподавание – профессия, но у всех людей. Даже от невежды или грешника мы можем приобрести понимание того, чем нам следует руководствоваться в жизни.

Растущее дерево

Человек подобен дереву. Если ты стоишь перед деревом и не отрываясь смотришь на него, стараясь уловить процесс роста и определить, насколько оно поднялось, – ты ничего не увидишь. Но ухаживай за ним постоянно, срезай лишние побеги, охраняй от жуков и червяков, и в один прекрасный момент оно встанет в свой полный рост. Так же и человек: все, что ему надо, это преодолеть препятствия, и тогда он вырастет и расцветет.

Но не следует экзаменовать его час за часом для того, чтобы увидеть, насколько он прибавил в росте.

Давать и брать

Девиз жизни таков: «Давать и брать». Каждый человек должен и давать, и брать. Того, кто не способен на это, можно сравнить с бесплодным деревом.

В каждом человеке

В каждом человеке есть нечто драгоценное, чего нет ни в ком другом. И потому мы должны уважать каждого за то, чем он обладает и чего нет ни у одного из его близких.

Два вида любви к Богу

Есть два вида любви: любовь человека к жене – та любовь, которая проявляется вдали от посторонних глаз, *ибо проявиться во всем совершенстве она может лишь в месте, где нет чужих*; но есть любовь к братьям, сестрам и детям – любовь, которая не нуждается в тайне.

И есть два вида любви к Богу <...>.

Истинная скорбь и истинная радость

Есть два вида скорби и два вида радости. <...>

Тот, кто лишен внутреннего содержания и в разгар своих пустых удовольствий не чувствует и не пытается восполнить свои недостатки, просто глуп. Но тот, кто полон истинной радости, подобен человеку, дом которого, и он, глубоко в сердце чувствует свои нужды, начинает отстраиваться заново.

Его сердце веселится каждому камню, из которых он слагает стены своего нового дома.

Это лишь малая толика тех мудростей, над которыми мы «обречены» думать всю жизнь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1.	Дорогие мои, незабвенные	3
2.	Мой Кассиль	9
3.	Встречи и письма	16
4.	«Да будем мы к друзьям своим пристрастны»	20
5.	Еврейский детский фольклор и его судьба	30
6.	Еврейская колыбельная	35
7.	Классик еврейской фольклористики	44
8.	Хасидские притчи	48

Из серии
«БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»
вышли в свет:

Бен Гирш. Азбука иудаизма

Дмитрий Цвибель. Время любить

Из еврейской поэзии. Сост. Иосиф Гин

Нохим-Залманович. Еврейские пословицы

Давид Генделев. Из истории еврейской общины

Петрозаводска

Имена и судьбы. Сост. **Юлия Генделева**

Залман Кауфман. Невыдуманные рассказы

Евреи Карелии. Сост. М.Бравый, И.Шегельман, Я.Бравый

Залман Кауфман. Зяма

Дмитрий Цвибель. Судьбы, опаленные войной

Дмитрий Цвибель. Мой еврейский вопрос

Дмитрий Цвибель. Лидеры

Дмитрий Цвибель. Мой папа

Лев Хорош. Судьбы еврейские

Дмитрий Цвибель. Август 91-го и после

Иосиф Гин. Хочу рассказать...

БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»

Выпуск 17

*Редактор
Дмитрий Цвибель*

Отпечатано: ООО «Два товарища».
Республика Карелия,
г. Петрозаводск, Лесной пр., 51.

Тираж 300 экз. Заказ № 455